

ПЕССИМИЗМЪ КАКЪ ОТРАЖЕНІЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

«Не оттого-ли мы довольствуемся сѣ-
нями, что исторія наша еще стучится
въ ворота?»

Лѣтомъ 1836 года, я спокойно сидѣлъ за своимъ письменнымъ сто-
ломъ въ Вяткѣ, когда почтальонъ принесъ мнѣ послѣднюю книжку Теле-
скопа.... Я, разумѣется, бросилъ все и принялся разрѣзывать Телескопъ—
«философическія письма», писанныя къ дамѣ, безъ подписи. Въ подстроч-
номъ замѣчаніи было сказано, что письма эти были писаны русскимъ по
французски, т. е. что это переводъ. Все это скорѣе предупреждало меня
противъ статьи, чѣмъ въ ея пользу, и я принялся читать критику и
смѣхъ. Наконецъ, дошелъ чередъ и до письма. Со второй, третьей стра-
ницы меня остановилъ печально-серьезный тонъ: отъ каждого слова вѣяло
долгимъ страданіемъ, уже охлажденнымъ, но еще озлобленнымъ. Эдакъ
пишутъ только люди долго думавшіе, много думавшіе и много испытавшіе
жизнью, а не теоріей.... читаю далѣе, письмо растетъ, оно становится
мрачнымъ обвинительнымъ актомъ противъ Россіи, протестомъ личности,
которая за все вынесенное хочетъ высказать часть накопившагося на
сердцѣ. Я раза два останавливался, чтобъ отдохнуть и дать улечься мы-
слямъ и чувствамъ, и потомъ снова читалъ и читалъ... я боялся, не
сошелъ ли я съ ума. Потомъ я перечиталъ письмо Витбергу, потомъ С.,
молодому учителю вятской гимназіи, потомъ опять себѣ»...

Такъ описываетъ одинъ изъ современниковъ потрясающее впечатлѣніе,
произведенное на него «философическимъ письмомъ» Чаадаева. «Весьма
вѣроятно, прибавляетъ онъ, что тоже самое происходило въ разныхъ гу-
бернскихъ и уѣздныхъ городахъ, въ столицахъ и господскихъ домахъ».

Онъ сравниваетъ «Письмо» съ выстрѣломъ, раздавшимся темною ночью: тонуло ли что и возвѣщало свою гибель, былъ-ли это сигналъ, зовъ на помощь, вѣсть объ утрѣ или о томъ, что его не будетъ—все равно, надобно было проснуться».

Чаадаевъ написалъ очень мало. Но однимъ «*философическимъ письмомъ*», онъ сдѣлалъ для развитія нашей мысли безконечно больше, чѣмъ сдѣлаетъ цѣлыми кубическими саженьями своихъ сочиненій иной трудолюбивый изслѣдователь Россіи «по даннымъ земской статистики» или бойкій социологъ фельетонной «*школы*». Вотъ почему знаменитое письмо до сихъ поръ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія со стороны всѣхъ тѣхъ, кому интересна судьба русской общественной мысли.

Было время, когда о немъ неудобно было говорить въ печати. Это время прошло. Страсти, вызванныя письмомъ, давнымъ давно улеглись, раздраженіе исчезло, оставляя мѣсто лишь историческому интересу и спокойному анализу въ высшей степени замѣчательнаго литературнаго явленія. О Чаадаевѣ уже не однажды заходила рѣчь въ нашей литературѣ, но вѣроятно еще долго нельзя будетъ сказать, что уже довольно говорили объ этомъ человѣкѣ.

Чаадаевъ высказалъ въ высшей степени печальный, совершенно безнадежный взглядъ на Россію. Если держаться сравненія, сдѣланнаго цитированнымъ нами авторомъ, то надо признать, что Чаадаевъ возвѣщалъ не объ утрѣ, а именно о томъ, что его никогда не будетъ.

«По нашему мѣстному положенію между Востокомъ и Западомъ, опираясь однимъ локтемъ на Китай, другимъ на Германію, мы должны бы соединить въ себѣ два великія начала разумѣнія: воображеніе и разсудокъ; должны бы совмѣщать въ нашемъ гражданственномъ образованіи исторію всего міра. Но не таково предназначеніе, павшее на нашу долю. Опытъ вѣковъ для насъ не существуетъ. Взглянувъ на наше положеніе, можно подумать, что общій законъ человѣчества не для насъ. Отшельники въ мірѣ, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него; не приобщили ни одной идеи къ массѣ идей человѣчества; ничѣмъ не содѣйствовали совершенствованію человѣческаго разумѣнія и исказили все, что сообщало намъ это совершенствованіе. Во все продолженіе нашего общественнаго существованія мы ничего не сдѣлали для общаго блага людей: ни одной полезной мысли не возросло на бесплодной нашей почвѣ, ни одной великой истины не возникло изъ среды насъ. Мы ничего не выдумали сами, и изъ всего, что выдумано другими, заимствовали только обманчивую наружность и бесполезную роскошь».

Уже съ самыхъ первыхъ вѣковъ нашего историческаго существованія мы стали спиной къ общечеловѣческому прогрессу. «Ведомые злою судьбой,

мы... уединились въ своихъ пустыняхъ, не видя ничего происходившаго въ Европѣ. Мы не вмѣшивались въ великое дѣло міра. Мы остались чужды высокими доблестямъ, которыми религія озарила новѣйшія поколѣнія и которыя въ глазахъ здраваго смысла возвышаютъ ихъ надъ древними народами, такъ же какъ эти послѣдніе возвышаются надъ Готтентотами и Лапландцами. Въ насъ не развились эти новыя силы, которыми она обогатила человѣческое разумѣніе; эта кротость нравовъ, потерявшихъ свое первобытное звѣрство отъ покорности власти безоружной. Не смотря на названіе христіанъ, мы не тронулись съ мѣста, тогда какъ западное христіанство величественно шло по пути, начертанному его божественнымъ основателемъ. Міръ пересоздавался, а мы прозябали въ нашихъ лачугахъ изъ бревенъ и глины. Коротко, не для насъ совершались новыя судьбы человечества; не для насъ, христіанъ, зрѣли плоды христіанства).

Даже въ наружности русскаго есть что-то неопредѣленное, недодѣланное. Наши лица нѣмы, холодны, невыразительны. «Находясь въ другихъ странахъ и въ особенности южныхъ, гдѣ лица такъ одушевлены, такъ говорящи, я сравнивалъ не разъ моихъ соотечественниковъ съ туземцами, и всегда поражала меня эта нѣмота нашихъ лицъ», замѣчаетъ Чаадаевъ.

Нельзя сказать, чтобы Россія всѣмъ не дѣлала попытокъ сблизиться съ образованными народами. «Нѣкогда великій царь хотѣлъ насъ образовать и, чтобы заохотить къ просвѣщенію, бросилъ намъ мантию цивилизаціи. Потомъ другой великій государь приобщилъ насъ своему великому посланію, проведши побѣдителями съ одного края Европы на другой». Но не много хорошихъ плодовъ принесло все это: мы подняли мантию цивилизаціи, но не коснулись просвѣщенія; мы прошли просвѣщеннѣйшія страны свѣта и принесли домой одни дурныя понятія, одни заблужденія. Если мы и принимали участіе въ общемъ движеніи человѣческаго разума, то лишь посредствомъ слѣпного и поверхностнаго подражанія передовымъ націямъ. Въ ходѣ нашего образованія нѣтъ никакой послѣдовательности, никакой внутренней связи. «Отъ этого вы найдете, что всѣмъ намъ не достаетъ нѣкотораго рода основательности методовъ логики. Силлогизмъ Запада намъ неизвѣстенъ. Въ нашихъ лучшихъ головахъ есть что-то большее, «чѣмъ неосновательность». Собственно говоря, у насъ вовсе нѣтъ того общественнаго слоя, который существовалъ у всѣхъ цивилизующихся и цивилизованныхъ народовъ, и о которомъ можно сказать: онъ думаетъ за массу, въ немъ сосредоточивается разумъ націи: «Гдѣ наши мудрецы, наши мыслители? Когда и кто думаетъ за насъ, кто думаетъ въ настоящее время?»

Трудно ожидать чего либо великаго отъ народа, который явился въ міръ, какъ незаконнорожденный ребенокъ, безъ наслѣдства, безъ органи-

ческой связи съ предшественниками, не усвоивъ себѣ «ни одного изъ поучительныхъ уроковъ минувшаго». Если въ самой крови нашей есть, по мнѣнію Чаадаева, что-то враждебное совершенствованію, то врядъ ли можно думать, что мы станемъ когда нибудь великимъ цивилизованнымъ народомъ. Конечно, и наше существованіе не пройдетъ безслѣдно для чело-вѣчества; оно послужитъ великимъ урокомъ отдаленному потомству. Но, во-первыхъ, «кто знаетъ когда это будетъ?»; а, во-вторыхъ,—наша исторія можетъ оказаться поучительною въ отрицательномъ смыслѣ: указывая другимъ болѣе счастливымъ народамъ, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ приводитъ многолѣтнее существованіе безъ всякой собствен-ной мысли. Вѣдь и жизнь промотавшагося отца служить подчасъ урокомъ обманутому сыну. Это, повидимому, и разумѣлъ Чаадаевъ, говоря о на-шемъ будущемъ назначеніи. Какъ бы тамъ ни было, но онъ не сомнѣвал-ся, что въ настоящемъ «мы принадлежимъ къ націямъ, которыя не составляютъ еще необходимой части челоуѣчества», болѣе того: мы являемся «какимъ-то пробѣломъ въ порядкѣ разумнiя».

Дальше этого пессимизму, въ примѣненіи къ судьбѣ отдѣльнаго на-рода, идти некуда. Человѣкъ, зараженный имъ, могъ найти себѣ плодотворное, пожалуй даже великое дѣло, гдѣ нибудь на чужбинѣ, но у себя на родинѣ ему нечего было дѣлать. Ему оставалось, сообразно своему темпераменту, или холодно презирать свою страну, или горько оплакивать ея историческую негодность. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ его удѣ-ломъ было безысходное страданіе, потому что для мыслящей и благород-ной личности, какую несомнѣнно былъ Чаадаевъ, нѣтъ и не можетъ быть большаго несчастья, какъ полное отсутствіе вѣры въ историческую судь-бу своего народа. И нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что авторъ «философическаго письма» былъ глубоко несчастливъ. Для него не могло быть не только торжества или примиренья, но даже самаго блѣднаго луча надежды на торжество или примиреніе. «Пряча страсть подъ ледяной корою», осыпая насмѣшками своихъ знакомыхъ и Москву, гордящуюся, какъ до-стопримѣчательностями, пушкой, которая не стрѣляетъ и колоколомъ, который свалился прежде, чѣмъ звонить, онъ медленно угасалъ, осужден-ный на невольное бездѣйствіе, и до конца дней оставаясь «воплощен-ною укоризною» своему отечеству. Это едва-ли не самое трагическое лицо въ исторіи нашей—«интеллигенціи».

Цитированный нами младшій современникъ Чаадаева, давшій по истинѣ художественную характеристику этой «печальной и самобытной фи-гуры», изображаетъ его безнадежный взглядъ, какъ продуктъ тяжелыхъ впечатлѣній, полученныхъ имъ, по возвращеніи изъ за границы, отъ то-го высшаго общества, къ которому онъ принадлежалъ по своимъ свя-

зямъ, и съ которымъ не могъ разорвать окончательно, несмотря на все свое глубокое презрѣніе къ нему. Отъ этого общества, дѣйствительно, странно было ждать обновленія Россіи.

Правда, въ тогдашней молодежи показывались, «*иные всходы*», а въ литературѣ начали раздаваться нѣкоторые свѣжіе голоса, но все это было въ зародышѣ, «все это еще было скрыто, и не въ томъ мірѣ, въ которомъ жилъ Чаадаевъ». Разочарованіе было, такимъ образомъ, неизбежно.

Трудно возразить что нибудь противъ такого объясненія. И, тѣмъ не менѣе, оно все-таки недостаточно. Новые «всходы» врядъ ли бы утѣшили Чаадаева даже въ томъ случаѣ, если бы ничто не скрывало ихъ отъ него. Онъ, разумѣется, обрадовался бы имъ, потому что они очень окрасили бы его печальное существованіе. Но это и все. Они не возбудили бы въ немъ широкихъ надеждъ, потому что были слишкомъ слабы сравнительно съ его требованіями. Доказательства на лицо. Какъ человѣку молодому и принимавшему самое близкое участіе въ томъ нарождавшемся идейномъ движеніи, о которомъ идетъ рѣчь, автору цитируемыхъ нами воспоминаній было бы гораздо естественнѣе проникнуться отрадными надеждами на свѣтлое будущее, а между тѣмъ, и онъ не разъ вписывалъ въ свой дневникъ самыя безнадежныя строки. «Поймутъ-ли, оцѣнятъ ли грядущіе люди весь ужасъ, всю трагическую сторону нашего существованія?—съ отчаяніемъ восклицаетъ онъ.... Поймутъ ли они, отчего мы лѣнтяи, отчего мы ищемъ всякихъ наслажденій, пьемъ вино и пр?... Отчего въ минуту восторга не забываемъ тоски?.. О, пусть они остановятся съ мыслью и съ грустью передъ камнями, подъ которыми мы уснемъ, мы заслужили ихъ грусть! Была-ли такая эпоха для какой либо страны? Римъ въ послѣдніе вѣка существованія, и то нѣтъ... Тамъ были святы воспоминанія, было прошедшее, наконецъ, оскорбленный состояніемъ родины, могъ успокоиться на лонѣ юной религіи, являвшейся во всей чистотѣ и поэзіи. Насъ убиваетъ пустота и беспорядокъ въ прошедшемъ, какъ въ настоящемъ—отсутствіе всякихъ общихъ интересовъ»...

«Сегодня я читалъ какую-то статью о «Мертвыхъ Душахъ» въ Отеч. Запис., тамъ приложены отрывки,—пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ того же дневника. Между прочимъ русскій пейзажъ (зимняя и лѣтняя дорога); перечитываніе строкъ задушило меня какой-то безвыходной грустью, эта степь—Русь такъ живо представилась мнѣ, современный вопросъ такъ болѣзненно повторялся, что я готовъ былъ рыдать. Дологъ сонъ, тяжелъ. За что мы проснулись—спать бы себѣ, спать, какъ все около!...»

«*За что мы проснулись!*» Очевидно, человѣкъ, написавшій эти строки, смотрѣлъ на свое пробужденіе,—по крайней мѣрѣ, когда писалъ ихъ,—

какъ на *тяжелую кару*. Такое настроеніе молодыхъ «*всходовъ*» не влило бы новой энергіи въ пожилого Чаадаева.

Въ каждой странѣ бывали такія эпохи, когда люди, очень далеко опередившіе своихъ современниковъ и потому чувствовавшіе себя одиночными, впадали въ тяжелое, а подчасъ и совершенно безнадежное настроеніе. Достаточно прочитать предисловіе, которое написалъ Гельвецій къ своей книгѣ «*De l'Homme*», чтобъ видѣть, какія тяжелыя сомнѣнія овладѣвали французами времени Людовика XV. Гельвецію тоже жилось не очень весело и вольготно. Но его положеніе всегдѣ было существенно отлично отъ положенія русскихъ людей, видѣвшихъ себя вынужденными сожалѣть о своемъ пробужденіи.

Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ, что говоритъ Гельвецій въ указанномъ предисловіи.

Его первая книга, «*De l'Esprit*», навлекла на него гоненія. Чтобы избѣжать ихъ при изданіи своего новаго сочиненія, онъ собирался выпустить его подъ псевдонимомъ. Но пока онъ писалъ его, положеніе дѣлъ въ Франціи еще болѣе измѣнилось къ худшему, такъ что онъ уже не видѣлъ надобности спѣшить съ обнародованіемъ своего произведенія: «болѣзнь, противъ которой я искалъ лекарства, стала неизлѣчимой, — говоритъ онъ, — я потерялъ надежду принести какую нибудь пользу, и я откладываю до своей смерти изданіе этой книги». Внутренній гнетъ окончателно подавилъ Францію; она уже не воспрянетъ къ новой жизни. Ея умственное развитіе насильственно прервано. «Счастье, подобно наукамъ, говорятъ, странствуетъ по землѣ. Теперь оно направляется къ сѣверу; великіе государи призываютъ туда геніи, а съ геніемъ и счастье... Солнце юга гаснетъ; сѣверное сіяніе горитъ самымъ яркимъ свѣтомъ».

Для Франціи нѣтъ выхода. Гельвецій твердо убѣжденъ въ этомъ. И ему, разумѣется, не дешево досталось это убѣжденіе. Но, если бы его спросили, какъ смотритъ онъ на *прошлое* своей страны, то онъ, при всей своей ненависти къ старому режиму и средневѣковымъ учрежденіямъ, навѣрное отвѣтилъ бы, что Франція почти всегда шла во главѣ цивилизаціи. Чаадаевъ, наоборотъ, говоритъ, что Россія не принимала ни малѣйшаго участія въ общечеловѣческомъ развитіи. Это огромная разница. Пессимизмъ Чаадаева безконечно глубже и потому несравненно безотраднѣе. Гельвеція привели въ отчаяніе нѣкоторыя «мѣропріятія» Людовика XV. Но, вѣдь, французскіе философы XVIII вѣка были убѣждены, что *la législation fait tout*. Съ этой точки зрѣнія не было, правда, ничего невѣроятнаго въ той мысли, что данное правительство закрыло своему народу путь прогресса. Но съ той же самой точки зрѣнія было естественно предположить, что дѣло, испорченное правительствомъ одного короля, можетъ быть ра-

дикально исправлено правительствомъ слѣдующаго царствованія. Стоило только явиться «королю-философу» à la Фридрихъ II, и Франція снова могла оказаться во главѣ цивилизаціи. Такимъ образомъ, полному и безнадержному отчаянію въ міросозерцаніи Гельвеціи не было мѣста. Не то съ Чаадаевымъ. Мы уже знаемъ, къ чему привела, по его мнѣнію, дѣятельность императоровъ Петра и Александра I: мы усвоили внѣшность цивилизаціи и не коснулись просвѣщенія. Наша отсталость причинена была не вліяніемъ правительства на общество и началась не со вчерашняго только дня: ея причины лежатъ въ насъ самихъ, можетъ быть даже въ «нашей крови», т. е. въ особенностяхъ нашей расы. Поэтому Чаадаева невозможно было бы ободрить надеждой на хорошее законодательство будущаго времени. Онъ сказалъ бы, что съ нами ничего не подѣлаешь и самый просвѣщенный законодатель. Чтобы повѣрить въ Россію, ему нужно было бы совершенно другими глазами взглянуть на ея прошлое и на ея внутренній бытъ.

Цитированный нами другъ и младшій современникъ Чаадаева, вообще говоря, вѣрилъ въ будущность окружавшихъ его новыхъ «всходовъ», но вѣрилъ потому, что ему хотѣлось вѣрить, а не потому, что у него были для этого какія нибудь твердыя основанія. На прошлое Россіи онъ смотрѣлъ почти такъ же, какъ и Чаадаевъ. «Государственная жизнь допетровской Россіи была уродлива, бѣдна, дика»—говоритъ онъ. «Ошибка славянъ (т. е. славянофиловъ) въ томъ, что имъ кажется, что Россія имѣла когда-то свое свойственное ей развитіе, затемненное разными событіями и, наконецъ, петербургскимъ періодомъ. Россія никогда не имѣла этого развитія и не могла имѣть. То, что приходитъ теперь къ сознанію у насъ, то, что начинается мерцать въ мысли, въ предчувствіи, то, что существовало безсознательно въ крестьянской средѣ и на полѣ,—то теперь только всходить на пажитяхъ истории. Эти основы нашего быта—не воспоминанія, это живыя стихіи, существующія не въ лѣтописяхъ, а въ а въ настоящемъ».

На первый взглядъ можетъ показаться, что если симпатичныя автору основы нашего быта не воспоминанія, а живыя стихіи, то тѣмъ лучше и для основъ, и для людей имъ сочувствующихъ. Но не надо забывать, что, по мнѣнію того же автора, эти стихіи не имѣли никакого внутренняго, самобытнаго развитія. «Онѣ только уцѣлѣли подъ труднымъ историческимъ выработываніемъ государственнаго единства. Только сохранились, но не развились». А этого слишкомъ еще мало, чтобы обезпечить народу отрадную будущность. «Непосредственныхъ основъ быта недостаточно. Въ Индіи до сихъ поръ испоконъ вѣка существуетъ сельская община, очень сходная съ нашей и основанная на раздѣлѣ полей; однако

индѣйцы съ ней недалеко ушли». Авторъ сильно сомнѣвается въ томъ, чтобы дорогія ему основы могли развиваться благодаря дѣйствию своихъ внутреннихъ силъ. Если ихъ будущее обезпечено, то лишь благодаря «петровскому періоду», благодаря притоку къ намъ «европейскаго образованія».

Но кто же былъ носителемъ этого образованія въ Россіи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ? Тѣ самые «всходы», о которыхъ уже говорилъ нашъ авторъ. Значить, все будущее «основъ» приурочивалось къ будущему «всходовъ»: созрѣютъ всходы,—разовьются и основы, а убьютъ всходы морозомъ или засухой,—основы погибнуть или останутся, подобно индѣйскимъ основамъ, недоразвитыми и недодѣланными.

Много ли шансовъ на пышный расцвѣтъ было у всходовъ? Мы уже знаемъ, что мало; мы уже видѣли, съ какою болью спрашивалъ себя одинъ изъ самыхъ блестящихъ представителей этихъ всходовъ: «За что мы проснулись?» Слѣдовательно, и у «всходовъ» было достаточно оснований для пессимизма гораздо болѣе глубокаго и мрачнаго, чѣмъ пессимизмъ Гельвеція.

Но положимъ, что молодость брала свое и что, поэтому, всходы не видѣли смертельной опасности для себя со стороны мороза или засухи. Тогда всетаки оставался еще неразрѣшенный и трудно разрѣшимый вопросъ: какимъ именно путемъ всходы получаютъ воспитательное вліяніе на основы; какимъ образомъ европейски-образованные люди приобретутъ довѣріе народной массы и ея поддержку, безусловно необходимую для осуществленія ихъ широкихъ плановъ? Наше прошлое давало на этотъ счетъ весьма поучительные и печальные уроки. Такъ было, по крайней мѣрѣ, по словамъ нашего автора. Хорошіе «всходы» появились у насъ уже во второй половинѣ 18-го вѣка. Уже тогда были у насъ дѣйствительно просвѣщенные люди, но они явились, говоритъ нашъ авторъ, «безсильными искупителями, неповинными страдальцами за грѣхи отцовъ. Многіе изъ нихъ готовы были все отдать, всѣмъ пожертвовать, но не было алтаря, некому было принять ихъ жертву». Нѣкоторые стучались даже въ крестьянскую избу, но и тамъ были непоняты. «Крестьянинъ смотрѣлъ сурово и недовѣрчиво на этихъ дары несущихъ Данайцевъ, и съ горестью отходили отъ него раскаивающіеся, сознавая, что у нихъ нѣтъ родины». Словомъ, плохая имъ досталась доля.

На какомъ же основаніи можно было думать, что всходы тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія ожидаетъ лучшая судьба? Крестьянинъ еще ничѣмъ не заявилъ своего довѣрія къ нимъ. Это прекрасно сознавалъ нашъ авторъ, и изъ подъ его пера выходили, подчасъ, наприимѣръ, такія признавія. «Наше состояніе безвыходно, потому что историческая логика ука-

зываетъ, что мы имѣемъ народныхъ потребностей». Настроеніе, вызванное *такимъ* взглядомъ, на свое состояніе не могло не быть много безнадежнѣе настроенія, вызваннаго въ свободолюбивомъ французскомъ философѣ нѣкоторыми непріятными для него распоряженіями «законодателя».

Славянофилы, повидимому, не могли ни на минуту сомнѣваться въ судьбѣ «основъ». У нихъ было такъ много «воспоминаній» и такъ много надеждъ. Правда, петровскій переворотъ раскололъ Россію на двѣ части, изъ которыхъ одна,—высшее сословіе, совершенно утратила народную физиономію. За этотъ расколъ дорого поплатилась вся страна. Но теперь въ высшемъ сословіи начинается спасительный поворотъ къ народнымъ началамъ. Образованная Россія начинаетъ сознавать и стремится искупить грѣхъ своей безнародности. Поэтому мы можемъ не бояться теперь за будущее Россіи. Оно какъ нельзя болѣе отрадно. «Мы будемъ подвигаться впередъ смѣло и безошибочно, занимая случайныя открытія Запада, но придавая имъ смыслъ болѣе глубокій, или открывая въ нихъ тѣ чело-вѣческія начала, которыя для Запада остались тайной, спрашивая у исторіи церкви и ея законовъ свѣтилъ путеводительныхъ для будущаго нашего развитія, и воскрешая древнія формы нашей жизни русскою, потому что онѣ были основаны на святости узъ семейныхъ и на неспорченной индивидуальности нашего племени»¹⁾. *Теперь «намъ стыдно было бы не переиграть Запада».*

Интересно, что, между тѣмъ какъ Чаадаевъ не видѣлъ ничего отраднаго въ *нашей* исторіи, славянофилы, наоборотъ, крайне отрицательно относились къ исторіи *Запада*, а въ русскомъ историческомъ развитіи видѣли проявленіе какой-то особой полноты народнаго духа. «Англичане, французы, нѣмцы, — пишетъ А. С. Хомяковъ,—не имѣютъ ничего хорошаго за собой. Чѣмъ дальше они оглядываются, тѣмъ хуже и безнравственнѣе представляется имъ общество. Наша древность представляетъ намъ примѣръ и начала всего добраго въ жизни частной, въ судопроизводствѣ, въ отношеніи людей между собою.... Западнымъ людямъ приходится все прежнее отстранять, какъ дурное, и все хорошее себѣ создавать; намъ довольно воскресить, уяснить старое, привести его въ сознаніе и жизнь. Недежда наша велика на будущее».

Казалось бы, ничто не можетъ быть *оптимистичнѣе* подобнаго взгляда. Его можно поставить въ параллель со взглядомъ французовъ, которые были убѣждены, что Франція шла, по крайней мѣрѣ до извѣстнаго времени, во главѣ цивилизаціи. Но уже при ближайшемъ разсмотрѣніи параллель оказывается далеко не полной. Въ XVII и XVIII вѣкѣ можно

¹⁾ См. Полное Собраніе Сочиненій А. С. Хомякова, т. I, стр. 377.

было думать, что «la législation fait tout». Въ девятнадцатомъ—наука выяснила, что сама «législation» является результатомъ *внутренняго развитія народа*. Слѣдовательно, теперь надежды на будущее должны были въ послѣднемъ счетѣ приурочиваться не къ дѣятельности «законодателя» которая сама есть слѣдствіе, а не причина, а къ внутренней логикѣ общественной жизни. Съ славянофильской точки зрѣнія русская общественная жизнь представлялась, правда, очень богатой внутреннимъ содержаниемъ. Но замѣчательно, что даже славянофилы, не боявшіеся никакихъ преувеличеній и никакихъ натяжекъ, не умѣли сказать, въ чемъ же состояло *развитіе* тѣхъ богатыхъ началъ, которыми они восхищались такъ громко и, вѣроятно, искренно. Какъ ни хороши были «начала», но они, по признанію того же Хомякова, были *подавлены* и *уничтожены* «отсутствіемъ государственнаго начала, раздорами внутренними, игомъ внѣшнихъ враговъ», и, кромѣ того, разумѣется, безнародной образованностью петербургскаго періода. Такимъ образомъ, *воскресить* старыя начала оказывалось дѣломъ не совсемъ легкимъ. Тѣмъ болѣе не легкимъ, что и «уяснить»-то себѣ «старое» у насъ, въ эпоху споровъ «о старомъ и новомъ», удалось только славянофильскому кружку, т. е. очень немногимъ. Этимъ немногимъ нужно было не только возвратитъ къ народности сбившееся съ дороги образованное общество, но и «привести» сознаніе «въ жизнь», т. е. приобрести рѣшающее вліяніе на послѣдующее русское законодательство. Дѣло по истинѣ колоссальное предстояло сдѣлать съ самыми ничтожными средствами. Будущее Россіи и у славянофиловъ оказывалось приуроченнымъ къ судьбѣ нѣкоторыхъ «выходовъ», т. е. извѣстнаго теченія въ тогдашней нашей интеллигенціи. Но при тогдашнихъ обстоятельствахъ въ этой судьбѣ не могъ быть прочно увѣренъ ни одинъ изъ славянофиловъ. «Нашъ девизъ—*faceamus igitur*», сказалъ какъ-то въ небольшомъ кружкѣ Хомяковъ. Это была, конечно, шутка. Но въ этой шуткѣ отразилось нѣчто очень серьезное. Потому и нельзя удивляться, что даже и крайне оптимистическій взглядъ на русскую исторію не спасалъ славянофиловъ отъ тяжелаго унынія. «Человѣкъ этотъ, говоритъ объ Иванѣ Кирѣевскомъ цитированный нами авторъ воспоминаній, глубоко перестрадалъ вопросъ о современности Руси, слезами и кровью купилъ разрѣшеніе.... Онъ страдаетъ—и знаетъ, что страдаетъ, и хочетъ страдать, не считая себя въ правѣ снять крестъ тяжелый и черный, наложенный фатумомъ на него».

Итакъ, даже *славянофильскій оптимизмъ* не могъ отдѣлаться отъ значительной примѣси *пессимизма*.

Пессимизмъ въ томъ смыслѣ этого слова, какой мы придаемъ ему здѣсь, есть старинная болѣзнь нашей интеллигенціи. Первое, извѣстное

пишущему эти строки, проявленіе этой болѣзни относится къ февралю 1660 года.

Почему именно къ февралю, и почему именно того года? А потому, что тогда случилось нѣкоторое, весьма знаменательное происшествіе. Сынъ думнаго дворянина и воеводы Аѳанасія Лаврентьевича Ордына-Нащокина, будучи посланъ къ своему отцу съ порученіемъ отъ царя Алексѣя Михайловича, бѣжалъ за границу. Побѣгъ совершился безъ всякаго вѣдѣннаго повода: и выдающееся положеніе его отца, и милостивое вниманіе государя, и собственныя выдающіяся способности, все сулило Воину (такъ звали молодаго Нащокина) счастье и блестящіе успѣхи. Ему несомнѣнно предстояло дойти до степеней очень извѣстныхъ, а онъ предпочелъ сдѣлаться бездомнымъ скитальцемъ. Частѣйшее безуміе! Такъ и поняли это друзья и недруги Аѳанасія Лаврентьевича. Но безуміе Воина было такъ необыкновенно, что современникамъ трудно было объяснить его себѣ иначе, какъ нарочитымъ вмѣшательствомъ нечистой силы. «Учинилось намъ вѣдомо, писалъ царь удрученному горемъ отцу, что сынъ твой попущеніемъ Божиимъ, а своимъ безумствомъ объявился въ Гданскѣ (Данцигѣ), а тебѣ отцу своему лютую печаль учинилъ, и тоя ради печали, приключившейся тебѣ отъ самого сатаны, и мню, что и отъ всѣхъ силъ бѣсовскихъ, изшедшу сему злomu вихрю и смятоша воздухъ аерный, и разлучиша и отторгнуша напрасно сего добраго агнца яростнымъ и смраднымъ своимъ дуновеніемъ отъ тебе отца и пастыря своего. И мы, великій государь, и сами по тебѣ, вѣрномъ своемъ рабѣ, поскорбѣли приключившейся ради на тя сея горькія болѣзни и злаго оружія, прошедшаго душу и тѣло твое; ей, велика скорбь и туга воистинно» и т. д.. Вмѣстѣ съ тѣмъ тишайшій государь наказывалъ «Аѳанасью», чтобы тотъ «о сынѣ своемъ промыслялъ бы всячески, чтобъ его, поймавъ, привести къ нему, за это сулить и давать 5, 6 и 10 тысячъ рублей; а если его такимъ образомъ промыслять нельзя и если Аѳанасью надобно, то сына его извести бы тамъ, потому онъ отъ великаго государя къ отцу отпущенъ былъ со многими указами о дѣлахъ и съ вѣдомостями». Дѣло принимало, какъ видитъ читатель, совсѣмъ трагическій оборотъ.

Впослѣдствіи оно уладилось; бѣглець просилъ прощенія и получилъ его. Но чѣмъ собственно вызвано было это дѣло? И почему сатанѣ удалось обработать именно молодаго Нащокина, а не кого нибудь другого?

«Воинъ уже давно былъ извѣстенъ, какъ умный и распорядительный молодой человекъ, во время отсутствія отца занималъ его мѣсто въ Царевичевѣ-Дмитріевѣ городѣ, велъ заграничную переписку, пересылалъ вѣсти къ отцу и въ Москву къ самому царю. Но среди этой дѣятельности у молодаго человекъ было другое на умѣ и на сердцѣ: самъ отецъ

давно уже приучилъ его съ благоговѣніемъ смотрѣть на западъ постоянными выходками своими противъ порядковъ московскихъ, постоянными толками, что въ другихъ государствахъ иначе дѣлается и лучше дѣлается. Желая дать сыну образованіе, отецъ окружилъ его плѣнными поляками, и эти учителя постарались, съ своей стороны, усилить въ немъ страсть къ чужеземцамъ, нелюбье къ своему, воспламеняли его разсказами о польской «волѣ». Въ описываемое время онъ ѣздилъ въ Москву, гдѣ стошило ему окончательно, и вотъ, получивъ отъ государя порученія къ отцу, вмѣсто Ливоніи, онъ поѣхалъ за границу, въ Данцигъ къ польскому королю, который отправилъ его сначала къ императору, а потомъ во Францію» ¹⁾).

Молодой Нащокинъ оказался государственнымъ измѣнникомъ. Это очень плохо; но государственная измѣна совершенно *случайный элементъ* въ его исторіи. Если бы онъ своевременно принялъ мѣры для передачи въ руки отца бумагъ, ввѣренныхъ ему государемъ, то его можно было бы, съ точки зрѣнія нашихъ современныхъ государственныхъ понятій, обвинять развѣ лишь въ самовольномъ оставленіи службы и отечества.

Разумѣется, ни то не похвалить и за подобное самовольство; но всякій согласится, что тогда гораздо больше симпатіи заслуживалъ бы молодой человекъ, пораженный странной, прежде неслыханной въ Москвѣ, болѣзью.

Въ самомъ дѣлѣ, разсказы о заграничной жизни и прежде не разъ смущали нашихъ бояръ. Побѣги въ Литву были нерѣдкимъ въ Московской Руси явленіемъ. Но настроеніе молодаго Нащокина едва ли имѣло много общаго съ настроеніемъ бѣглецовъ прежняго времени. Ихъ не «тошнило», какъ его вообще отъ московскихъ порядковъ; они искали за рубежомъ не просвѣщенія, а развѣ только аристократической боярской «воли». Они были недовольны частностями; онъ возмущался всѣмъ складомъ допетровской русской жизни. Молодой Нащокинъ былъ первой жертвой уметвеннаго вліянія Запада на Россію.

Гельвеція и его единомышленниковъ тоже «тошнило» полчасъ въ современной имъ Франціи. Случалось и имъ отъѣзжать за границу. Но гдѣ бы ни искали они себѣ временнаго пріюта; какъ бы ни были горьки упреки, которые они посылали своей странѣ, духовный разрывъ съ ней былъ для нихъ психологически невозможенъ.

Они оставались французами, потому что ихъ идеи, какъ ни расходились онѣ со взглядами большинства тогдашнихъ французовъ, были идеями французскими *par excellence*. Онѣ были порождены французскими обще-

¹⁾ С. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Томъ одиннадцатый, изданіе второе, стр. 84 и сл.

ственными отношеніями, и именно потому онѣ, даже въ самыя тяжелыя для ихъ проповѣдниковъ эпохи, были во Франціи *дома* больше, чѣмъ гдѣ нибудь. Увлекавшіеся ими *иностранцы* сами были въ значительной степени *офранцужены*. У насъ не то. Идеи, разбудившія Нацкина, были продуктомъ совершенно *чужой жизни*; онѣ не имѣли въ себѣ *ничего русскаго ни по формѣ, ни по содержанію*. Человѣкъ, увлекшійся ими, дѣлался иностранцемъ ровно настолько, насколько онъ ими увлекался, и его естественно тянуло въ чужіе края. Со времени Петра притокъ иностранныхъ идей къ намъ совершался почти безъ перерыва; не прекращалось поэтому и то смятеніе воздуха аернаго, которое оплакивалъ Алексѣй Михайловичъ; не прекращалась и та умственная денационализація просвѣщенныхъ русскихъ людей, которой впоследствии такъ возмущались славянофилы. Не всѣ эти люди, разумѣется, покидали Россію, но всѣ чувствовали себя «внѣ народныхъ потребностей», всѣ являлись, по выраженію автора выше цитированныхъ воспоминаній, «иностранцами дома, иностранцами въ чужихъ краяхъ»; всѣ представляли собою «*какую-то умную ненужность*». Былъ, правда, въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія періодъ, когда просвѣщенныхъ русскихъ людей не только «тошнило» въ ихъ странѣ, когда они твердо вѣрили, что имъ скоро удастся пересоздать русскую жизнь, сообразно тѣмъ идеямъ, которыя они усвоили съ запада. Но этотъ періодъ скоро миновалъ, людей александровскаго времени постигла тяжелая неудача, и просвѣщеннымъ русскимъ людямъ опять ничего не осталось, кромѣ «тошноты». Чаадаевъ вполне, безъ всякихъ смягченій и оговорокъ, призналъ бы себя «умною ненужностью». Что же касается славянофиловъ и западниковъ сороковыхъ годовъ, то хотя они и старались всѣми силами своей души и всѣми усиліями своей логики отговориться отъ такого сознанія, но оно не разъ навязывалось имъ противъ воли, и не разъ имъ приходилось чувствовать себя *внѣ народныхъ потребностей*.

Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ у насъ опять было не мало людей, которыхъ спасала отъ «тошноты» вѣра въ скорое осуществленіе ихъ идеаловъ. Но и этихъ людей постигло тяжелое разочарованіе. Одной изъ самыхъ замѣчательныхъ и симпатичныхъ жертвъ этого разочарованія явился Г. И. Успенскій.

Г. И. Успенскій принадлежалъ къ числу людей, стучавшихся въ крестьянскую избу съ самою лучшею просвѣтительною цѣлью. Цѣль этихъ людей осталась недостигнутой: имъ не удалось столкнуться съ крестьяниномъ, отчасти потому, что онъ и въ нихъ увидѣлъ дары несущихъ Данайцевъ, а отчасти потому, что ихъ идеи оказались неподходящими для крестьянина. Успенскому хотѣлось привить крестьянамъ «новые взгляды на значеніе дружнаго артельного труда на общую пользу». Но онъ убѣ-

дился, что подобные разговоры «ни къ чему практически путному не приводятъ» и только вызываютъ въ слушателяхъ *«ужаснѣйшую зѣвоту»*. Каждый добрый совѣтъ Успенскаго разбивался о «милліоны самыхъ топчайшихъ хозяйственныхъ ничтожностей», которыя не имѣли ни малѣйшаго значенія въ глазахъ благожелательнаго «интеллигента», но которыя, на самомъ дѣлѣ, являлись *«неодолимою преградой на пути ко всеобщему благополучію»*. Кончилось тѣмъ, что Успенскій далъ себѣ зарокъ не говорить съ крестьянами «объ ихъ крестьянскихъ распорядкахъ». Но что означалъ подобный зарокъ? Онъ означалъ, что *въ лицѣ Г. И. Успенскаго «всходы» убѣдились въ полной невозможности повліять на «основы»*.

Г. И. Успенскій и его единомышленники сочли бы себя счастливыми, еслибы имъ удалось предупредить развитіе въ Россіи капитализма. Какъ могли бы они сдѣлать это? Ясно, что если подобная цѣль не была сама по себѣ несбыточной фантазіей, то образованный разночинецъ, не состоящій на государственной службѣ, могъ достигнуть ее единственно только путемъ воздѣйствія на крестьянское міросозерцаніе. А такъ какъ это воздѣйствіе признано было невозможнымъ, то нельзя было, слѣдовательно, мечтать и о борьбѣ съ капитализмомъ. Какъ человѣкъ, дорожащій истиной прежде всего, Успенскій не побоялся признаться въ этомъ: «и выходитъ, поэтому, для всякаго, что-нибудь думающаго о народѣ человѣка, задача, по истинѣ неразрѣшимая,—писалъ онъ: цивилизація (онъ хотѣлъ сказать: капитализмъ) идетъ, а ты, наблюдатель русской жизни, мало того, что не можешь остановить этого шествія, но еще . . . не долженъ, не имѣешь права, ни резона совѣтаться въ виду того, что идеалы земледѣльческіе прекрасны и совершенны. Итакъ — остановить шествіе не можешь, а совѣтаться не долженъ!»

О томъ, какое непрочное препятствіе развитію капитализма представляютъ собою прекрасные и совершенные земледѣльческіе идеалы, свидѣтельствовалъ тотъ же Г. И. Успенскій. «Стройность сельско-хозяйственныхъ земледѣльческихъ идеаловъ беспощадно разрушается такъ называемой цивилизаціей». Ея разрушительное вліяніе «отражается на простодушномъ поселянинѣ рѣшительно при самомъ ничтожномъ прикосновеніи. Буквально прикосновеніе, одно только легкое касаніе, и тысячелѣтнія идеальныя постройки превращаются въ щепки». Г. И. Успенскій думалъ, что если дѣло и впредь пойдетъ такъ, какъ оно идетъ, то черезъ какихъ нибудь десять лѣтъ (да и это еще «много-много») вѣрному старымъ земледѣльческимъ идеаламъ крестьянину *«нельзя будетъ жить на свѣтѣ»*.

Въ лицѣ Г. И. Успенскаго наша народническая интеллигенція опять увидѣла себя «виѣ народныхъ потребностей», признала себя *«умною не-*

нужностью». Но такое положеніе безвыходно, какъ это зналъ еще авторъ вышецитированныхъ воспоминаній. Необходимымъ слѣдствіемъ его является «тошнота», тяжелое, пессимистическое настроеніе. Это настроеніе и выразилось въ сочиненіяхъ Г. И. Успенскаго. Помириться съ такимъ настроеніемъ очень трудно. Прежде, чѣмъ подчиниться ему окончательно, всякій живой человѣкъ непремѣнно будетъ стараться отдѣлаться отъ него, хватаясь, какъ утопающій за соломенку, за первое попавшееся, хотя бы и самое фантастическое, утѣшеніе. Такъ и поступилъ Г. И. Успенскій. Онъ то восхищался открытіемъ крестьянскаго банка (ст. «Хорошаго понемножку»), то приходилъ въ умиленіе передъ кустарною промышленностью («Живыя цифры»), избавляющей насъ «отъ фабричнаго распутства и грѣха», то мечталъ о счастіи жить «трусами рукъ своихъ», то придирался еще къ какому нибудь, столь же малоосновательному поводу, чтобы хоть на короткое время настроить себя на праздничный ладъ. Но эти судорожныя усилія, тѣмъ не менѣе, не приводили въ сущности ни къ чему. Основной тонъ его произведеній былъ и остался глубоко пессимистическимъ. Среди нашихъ беллетристовъ-народниковъ нѣтъ рѣшительно ни одного, зараженнаго пессимизмомъ въ такой мѣрѣ, какъ Г. И. Успенскій. За то, правда, между ними нѣтъ также ни одного, который могъ бы выдержать сравненіе съ нимъ по мѣткости своихъ характеристикъ и по глубинѣ своего взгляда. Онъ видѣлъ многое изъ того, чего не замѣтили другіе. Онъ и страдалъ больше, чѣмъ эти другіе.

Помните ли вы, читатель, очеркъ «Мелочи путевыхъ воспоминаній»? Г. И. Успенскій, возвращаясь домой послѣ плаванія по Каспійскому морю, чувствуетъ какую-то необъяснимую тоску. Съ пароходомъ, на которомъ ѣдетъ онъ, безпрестанно встрѣчаются наполненныя рыбой лодки. На вопросъ, какая эта рыба, ему отвѣчаютъ, что это вобла и что теперь она сплошь пошла. «Да,—думаетъ Г. И. Успенскій,—вотъ отчего мнѣ и тоскливо... Теперь пойдетъ «все сплошь». И сомъ сплошь претъ, цѣлыми тысячами, цѣлыми полчищами, такъ что его разогнать невозможно, и вобла тоже «сплошь» идетъ, милліонами существъ «одна въ одну» и народъ пойдетъ тоже «одинъ въ одинъ» и до Архангельска, и отъ Архангельска до «Адесты», и отъ «Адесты» до Камчатки и отъ Камчатки до Владикавказа и дальше, до персидской, до турецкой границы... До Камчатки, до Адесты, до Петербурга, до Ленкорана, все теперь пойдетъ сплошное, одинаковое, точно чеканенное: и поля, и колосья, и земля, и небо, и мужикъ, и бабы, все одно въ одно, одинъ въ одинъ, съ одними сплошными красками, мыслями, костюмами, съ одними пѣснями... Все сплошное,—и сплошная природа, сплошной обыватель, сплошная нравственность, сплошная правда, сплошная поэзія, словомъ однородное сто-

милліонное племя, живущее какой-то сплошной жизнью и только въ сплошномъ видѣ доступное пониманію. Отдѣлить изъ милліонной массы единицу, положимъ, хотъ нашего деревенскаго старосту Семена Никитича и попробовать понять его—дѣло невозможное... Семена Никитича можно понимать только въ кучѣ другихъ Семеновъ Никитичей. Вобла сама по себѣ стоитъ грошъ, а милліонъ воблы—капиталъ, и милліонъ Семеновъ Никитичей составляетъ тоже полное интереса существо, организмъ, а одинъ онъ, со своими мыслями, непостижимъ и неизучимъ... Сейчасъ вотъ онъ сказалъ пословицу: кто чѣмъ не торгуешь, тотъ тѣмъ и не воруетъ. Что же, это онъ самъ выдумалъ? Нѣтъ, это выдумалъ океанъ людской, въ которомъ онъ живетъ, точъ въ точъ какъ Каспійское море выдумало воблу, а Черное—камбалу. Самъ Семенъ Никитичъ не запомнить за собой никакой выдумки.—«Мы этимъ не занимаемся,—нѣшто мы учены»,—говоритъ онъ, когда спросишь его о чемъ нибудь самого. Но опять таки этотъ Семенъ Никитичъ, исполненный всевозможной чепухи по части личнаго мнѣнія, дѣлается необыкновенно умнымъ, какъ только начинаетъ предъявлять мнѣнія, пословицы, цѣлыя нравоучительныя повѣсти, созданныя невѣдомо кѣмъ, океаномъ Семеновъ Никитичей, сплошнымъ умомъ милліоновъ. Тутъ и былъ, и поэзія, и юморъ, и умъ... Да, жутковато и страшновато жить въ этомъ людскомъ океанѣ... Милліоны живутъ «какъ прочіе», причемъ каждый отдѣльно изъ этихъ прочихъ чувствуетъ и сознаетъ, что «во всѣхъ смыслахъ» цѣна ему грошъ, какъ воблѣ, и что онъ что нибудь значить только въ кучѣ, жутковато было сознавать это».

Еще бы не жутковато! Немногими штрихами Г. И. Успенскій нарисовалъ по истинѣ страшную картину. Когда вглядываешься въ нее, то невольно спрашиваешь себя: да какъ же человекъ, ее нарисовавшій, могъ оставаться народникомъ? Вѣдь, чтобы быть народникомъ, надо вѣрить по крайней мѣрѣ въ *возможное* развитіе нѣкоторыхъ *основъ* стараго народнаго быта. А къ какому же развитію способенъ этотъ океанъ Семеновъ Никитичей, изъ которыхъ ни одинъ за собой никакой выдумки не запомнить, да и не занимается выдумкой, и каждый вполне сознаетъ, что ему, взятому въ одиночку, какъ воблѣ, *грошъ цѣна*. Эти милліоны живыхъ существъ, не имѣющіе другого ума, кромѣ «сплошнаго»,—способны «переть сплошь», *какъ сома*, цѣлыми тысячами, цѣлыми полчищами, такъ что и разогнать ихъ никакъ невозможно; они способны наводнить собою необъятныя степи; залить и затопить даже культурныя страны; ихъ можно употребить въ качествѣ строительнаго матеріала для общественной постройки, которая, при благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, простоитъ цѣлыя тысячелѣтія и возбудитъ своей прочностью зависть въ самихъ китайцахъ, но пока они останутся Семенами Никитичами, они не сдѣлаютъ впередъ

ни одного шагу, а когда сдѣлають хоть одинъ шагъ впередъ,—перестанутъ быть Семенами Никитичами, и тогда—что станется съ «основами»? Какъ *публицистъ*, Г. И. Успенскій остался народникомъ вплоть до перерыва, такъ несвоевременно случившагося въ его литературной дѣятельности. Какъ *художникъ*, онъ уже за долго до этого перерыва безпощадно разрушилъ всѣ главныя положенія народничества.

Въ доброе старое время писатели охотно придумывали фантастическія встрѣчи замѣчательныхъ людей различныхъ эпохъ, заставляя ихъ вести между собою болѣе или менѣе поучительныя бесѣды. У насъ нѣтъ не малѣйшаго желанія прибѣгать къ этому крайне искусственному и давно избытому приему. Но намъ приходилъ иногда въ голову вопросъ: что подумалъ бы П. Я. Чаадаевъ, если бы ему пришлось прочитать «*Мелочи путевыхъ воспоминаній*» Г. И. Успенскаго? Не увидѣлъ-ли бы онъ въ нихъ художественной иллюстраціи къ «философическому письму»? Не замѣтилъ-ли бы онъ, что именно потому и нѣмы, холодны и невыразительны русскія лица, что въ нашемъ народѣ все сплошное, одинаковое, точно чеканенное? Не нашелъ-ли бы онъ, что именно благодаря сплошному быту мы и уединились въ своихъ пустыняхъ, не видя ничего происходившаго въ Европѣ? Что именно поэтому мы и прозябали въ нашихъ лачугахъ изъ бревенъ и глины въ то время, когда вокругъ насъ пересоздавался цивилизованный міръ? Что именно оттого мы и не трогались съ мѣста, между тѣмъ какъ западные народы величественно шли по пути развитія? Что оттого мы и представляемъ собою пробѣлъ въ порядкѣ разумѣнія? Наконецъ, не призналъ ли бы Чаадаевъ, прочитавъ Успенскаго, что не въ крови нашей, а именно въ нашемъ сплошномъ быту есть что-то враждебное совершенствованію? И не сказалъ ли бы онъ Успенскому: «Вамъ, какъ и мнѣ, ждять отъ русскаго народа нечего!»

Не знаемъ, что возразилъ бы Г. И. Успенскій П. Я. Чаадаеву по части *конечныхъ выводовъ*, но знаемъ, что этимъ замѣчательнымъ людямъ было бы о чемъ и поспорить между собою. Ихъ взгляды на русскую народную жизнь были діаметрально-противопожными въ своихъ *основаніяхъ*. П. Я. Чаадаевъ объяснялъ жизнь народа его *взглядами* (преимущественно его религіей), дополняя такое объясненіе гадательнымъ соображеніемъ о свойствахъ народной «крови» т. е. о расѣ. Г. И. Успенскій объяснялъ *взгляды народа его жизнью*; міросозерцаніе русскаго крестьянина—*условіями земледѣльческаго труда*. П. Я. Чаадаевъ былъ *идеалистъ*. Г. И. Успенскій очень близко, хотя и безсознательно, подошелъ къ *материалистической философіи исторіи*. И въ этомъ заключалось его громадное преимущество передъ авторомъ «философическаго письма», хотя онъ лично и не воспользовался этимъ громаднымъ преимуществомъ.

Если весь складъ народной жизни опредѣляется, въ послѣднемъ счетѣ, народными взглядами, то спрашивается,—какимъ образомъ могу я вліять на развитіе этой жизни въ желательномъ для меня направленіи? Измѣняйте взгляды народа сообразно вашимъ идеаламъ, отвѣчаютъ идеалисты, а также, разумѣется, и эклектики. Это сносный отвѣтъ и дѣльный совѣтъ въ томъ случаѣ, когда между взглядами народа, съ одной стороны, и моими—съ другой, нѣтъ коренного различія; когда я, человѣкъ интеллигенціи, являюсь лишь обобщителемъ и выразителемъ народной мысли и народныхъ стремленій. Ну, а что если народное міросозерцаніе отдѣлено отъ моихъ идеаловъ цѣлою пропастью: если поэтому, моя проповѣдь вызываетъ въ моихъ слушателяхъ лишь «ужаснѣйшую зѣвоту», и если я вижу себя вынужденнымъ умолять, сказавъ себѣ, какъ сказалъ Г. И. Успенскій,—«не суйся»? Не надо отчаяваться и въ этомъ случаѣ, говорятъ благонамѣренные люди, разумъ возьметъ свое, народъ dorostetъ когданибудь и до пониманія вашихъ идеаловъ. Но, во-первыхъ, «богъ знаетъ, когда это будетъ», а, во-вторыхъ, въ исторіи было не мало народовъ, которые, просуществовавъ цѣлыя тысячелѣтія, такъ и сошли съ исторической сцены, ни на шагъ не приблизившись къ скольконибудь просвѣщеннымъ идеаламъ. Кто же поручится мнѣ, что и съ моимъ народомъ не случится чего либо подобнаго? На этотъ вполне законный вопросъ идеализмъ, а тѣмъ болѣе эклектизмъ, не даетъ отвѣта, а пока отвѣта нѣтъ,—неудивительно, что меня *тошнитъ*, что я сомнѣваюсь, страдаю и отчаиваюсь. Съ материалистической точки зрѣнія дѣло представляется иначе. Конечно, у материалистовъ тоже нѣтъ магической палочки, одинъ взмахъ которой превращалъ бы застой въ движеніе, а отсталость въ богатый запасъ культурныхъ приобрѣтеній. Но у материалистовъ есть опредѣленный критерій, избавляющій ихъ, по крайней мѣрѣ, отъ тяжелой неизвѣстности.

Возьмемъ хоть того же Г. И. Успенскаго и посмотримъ, что слѣдуетъ изъ сказаннаго имъ объ условіяхъ земледѣльческаго труда. Этими условіями опредѣлилось міросозерцаніе русскаго народа. Въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія они мало измѣнились, а потому и современный намъ крестьянинъ думаетъ почти такъ, какъ думали его отцы, дѣды, прадѣды и т. д. Это совершенно понятно и естественно. Но, вѣдь, условія земледѣльческаго труда сами по себѣ вовсе не неизмѣнны. Что произойдетъ съ міросозерцаніемъ русскаго крестьянина, когда значительно измѣнятся условія его труда? Это міросозерцаніе тоже значительно измѣнится. Это опять совершенно понятно и естественно. Далѣе. Что произойдетъ съ міросозерцаніемъ нашего народа въ томъ случаѣ, когда условія его труда станутъ похожи на тѣ условія, при которыхъ живутъ и трудятся народы Запада? Это міросозерцаніе сблизится съ міросозерцаніемъ западныхъ народовъ. И это

тоже вполне понятно и естественно. До такой степени понятно и до такой степени естественно, что это знали еще славянофилы, которые были как нельзя больше далеки от материалистического взгляда на историю. «Двумя главнейшими условиями жизни и силы народной русской органической стихии, писал покойный И. С. Аксаков, служат: 1) владение землею, т. е. что крестьяне все посажены на землю, 2) то, что у большинства крестьян существует общинное пользование землею, дающее им внутреннюю силу и крепость, признающее за каждым членом общины право на участок земли, гарантирующей его по возможности от нищеты 1). С исчезновением этих условий необходимо исчезнет и народная русская стихия; народ обезнародится, прибавляя он; а обезнародьте народ, и западничество получить у нас смысл и оправдание 2). Разумеется, славянофильский публицист хватил тут через край, совершенно произвольно и бездоказательно объявляя «народной русской стихией»,—с исчезновением которой совершенно обезнародится русский народ,—то, что могло быть лишь временным продуктом одного периода нашего общественного развития, лишь *исторической категорией*. Но нам теперь до этого нет дела. Мы занимаемся теперь не спором со славянофилами, а анализом того вывода, который вытекает из взгляда Г. И. Успенского на русскую крестьянскую жизнь. Вывод же этот не подлежит сомнению. Когда условия русского народного труда станут похожи на западные условия, тогда и взгляды нашего народа сблизятся со взглядами народов Запада. Но наша интеллигенция именно с Запада заимствовала свои идеалы. В каком смысле изменится отношение нашего народа к этим идеалам, когда его мировоззрение сблизится с мировоззрением западных народов? Он перестанет видеть в них нечто совершенно чуждое ему; он получит способность понимать и ценить их; он перестанет *звать*, слушая проповедь «интеллигента». Но в таком случае и «интеллигенту» не надобно будет накладывать на себя зарок молчания; его слово уже не будет падать на каменистую почву; у него явится живое и плодотворное дело; он не будет говорить себе: *не суйся*; он перестанет быть умною ненужностью.

1) «День», 1865, статья от 20-го марта, перепечатано в полном собрании сочинений И. С. Аксакова. Москва. 1886. т. II стр. 306.

2) И. С. Аксаков иногда крайне резко отбрасывал зависимость «народной стихии» от исторических условий народного быта. Он говорил, например, что западно-европейский социализм есть логический вывод из западно-европейской истории; на западе социализм у себя дома, социалисты—детища современной цивилизации: «в Азии делать им нечего». «Русь», от 15-го марта 1883 года.

Теперь скажите, измѣняются-ли условія народнаго труда въ указанномъ нами смыслѣ? Всѣ говорятъ, что измѣняются. Г. И. Успенскій категорически заявлялъ, что «цивилизация идетъ», разрушая наши старыя народныя «постройки», какъ карточные домики. Да иначе и быть не можетъ: пришествіе того, что Г. И. Успенскій иронически называлъ цивилизаціей, было необходимымъ, хотя и отдаленнымъ, слѣдствіемъ *петровской реформы*.

Старая московская Русь отличалась совершенно азіатскимъ характеромъ. И ея соціальныи бытъ, и ея администрація, и психологія ея обывателей,—все было въ ней совершенно чуждо Европѣ и очень родственно Китаю, Персіи, древнему Египту. Къ этой Руси во многомъ безусловно примѣнима мрачная Чаадаевская характеристика. Европейцу она не могла не представиться какимъ-то «пробѣломъ въ порядкѣ разумнія». Съ точки зрѣнія европейскаго прогресса она, конечно, не составляла и не могла составлять необходимой части человѣчества, отъ котораго она надолго уединилась въ своихъ пустыняхъ. Но эта страна, къ своему великому счастью, находилась не въ Азій, а въ Европѣ, или хотя въ сосѣдствѣ съ Европой. Въ слѣдствіе этой географической особенности своего положенія, московская Русь *вынуждена* была кое-что заимствовать отъ своихъ сосѣдей просто изъ инстинкта самосохраненія. Уже со времени Грознаго она старалась подвинуться къ Балтійскому морю. Петръ прорубилъ, наконецъ, «окно въ Европу». У Петра была огромная власть и желѣзная энергія. Но онъ могъ сдѣлать не болѣе того, что было доступно власти. «На соціальной основѣ, восходившей чуть ли не къ одиннадцатому вѣку,—справедливо говоритъ А. Рамбо,—явилась дипломатія, постоянная армія, бюрократическая іерархія, промышленность, удовлетворяющая вкусамъ роскоши, школы, академіи». Словомъ, Петръ лишь придѣлалъ *европейскія конечности къ туловищу*, которое все-таки оставалось *азіатскимъ*. Однако, новыя конечности оказали огромное вліяніе на природу стараго туловища. Для поддержанія пореформеннаго порядка нужны были деньги. Петровская реформа дала толчокъ развитію товарнаго производства въ Россіи. Кромѣ того, для поддержанія пореформеннаго порядка нужна была хоть какая нибудь *фабрично-заводская промышленность*. Петръ положилъ у насъ начало этой промышленности и тѣмъ тоже бросилъ на русскую почву сѣмена совершенно новыхъ экономическихъ отношеній. Въ теченіе долгаго времени насажденная Петромъ промышленность вела довольно жалкое существованіе, повидимому, вполнѣ подчиняясь общему тону русской общественной жизни. Она была закрѣпощена государству и сама стала крѣпостнической, держась обязательнымъ трудомъ крестьянъ, приписанныхъ къ фабрикамъ и заводамъ. Тѣмъ не менѣе, она все-таки совершала

свою работу перерожденія русскаго общественнаго тѣла, причѣмъ ей сильно помогали тѣ самыя международныя отношенія, безъ которыхъ немислима была бы и дѣятельность гениальнаго Петра. Успѣхи русскаго экономическаго развитія видны изъ того обстоятельства, что, между тѣмъ какъ петровская реформа требовала *упроченія* крѣпостнаго права, реформы императора Александра II предполагали его *отмѣну*. Начало новаго, «несимпатичнаго» народникамъ и субъективистамъ, экономического порядка относятся у насъ обыкновенно къ 19 Февраля 1861 года. Мы видимъ, что оно было положено еще Петромъ Великимъ. Но то справедливо, что 19 Февраля дало сильнѣйшій толчокъ развитію этого порядка; оно вызвало наружу и превратило въ могучій потокъ то экономическое теченіе, которое скрывалось подъ землею, лишь медленно и незамѣтно разрушая старую экономическую формацію. Въ теченіе тридцати съ лишнимъ лѣтъ, протекшихъ со времени отмѣны крѣпостнаго права, эта старая формація совершенно вывѣтрилась. Теперь нѣтъ такого захолустья, нѣтъ такого медвѣжьяго угла въ Россіи, гдѣ ни чувствовалось бы могучее вліяніе новыхъ экономическихъ отношеній. Петровская реформа дошла до своего логическаго конца, покрайней мѣрѣ, въ экономической области; новыя европейскія руки окончательно переродили старое московское туловище. И какъ бы кто ни вздыхалъ теперь о старой московской обломовщинѣ, ее не воскресить уже никакая сила. И напрасно наши старовѣры пишутъ на ея могилѣ: «покойся, милый прахъ, до радостнаго утра». Теперь мы безвозвратно вовлечены въ экономическое движеніе цивилизованнаго человѣчества, и никакого утра для старой московской обломовщины не будетъ. *Finis Moscoviae! Ты побѣдилъ, саардамскій плотникъ!*

Но если наша экономическая обломовщина похоронена на вѣки, то это именно и значить, что наступаетъ утро для новой Россіи, и что чаадаевскій «выстрѣлъ» былъ фальшивой тревогой. Такъ, съ матеріалистической точки зрѣнія, лишается всякаго основанія *пессимизмъ*, выросшій на почвѣ *идеализма*.

Чаадаевъ находилъ, что всеѣмъ образованнымъ русскимъ людямъ не достаетъ основательности, методы и логики. «Лучшія идеи, отъ недостатка связи и послѣдовательности, какъ бесплодные призраки, цѣпенѣютъ въ нашемъ мозгу, писалъ онъ. Человѣкъ теряется, не находя средства придти въ соотношеніе, связаться съ тѣмъ, что ему предшествуетъ и что послѣдуетъ; онъ лишается всякой увѣренности, всякой твердости; имъ не руководствуетъ чувство непрерывнаго существованія, и онъ заблуждается въ мірѣ. Такія потерявшіяся существа встрѣчаются во всеѣхъ странахъ; но у насъ эта черта общая». Все это въ значительной степени справедливо, и мы увидимъ сейчасъ, какъ странно заблуждаются въ мірѣ

идей нѣкоторые російскіе «интеллигенты». Все это какъ нельзя болѣе печально, но все это было совершенно неизбежно при томъ странномъ и ложномъ положеніи, въ которомъ находился русскій образованный человѣкъ, пока онъ былъ иностранцемъ на чужбинѣ и иностранцемъ на своей родинѣ. Всякій порядокъ идей развивается стройно лишь у себя дома, т. е. только тамъ, гдѣ онъ является отраженіемъ мѣстнаго общественнаго развитія. Перенесенный на чужую почву, т. е. въ такую страну, общественныя отношенія которой не имѣютъ съ нимъ ничего общаго, онъ можетъ только прозябать въ головахъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ или группъ, но уже дѣлается неспособнымъ къ самостоятельному развитію. Такъ именно и было съ европейскими идеями, попавшими въ Россію. Если онѣ цѣпенѣли въ нашемъ мозгу, какъ бесплодные призраки, то не потому, что въ нашей крови было что-нибудь враждебное «совершенствованію», а потому, что онѣ не встрѣчали у насъ благопріятныхъ для ихъ развитія общественныхъ условій. Сегодня у насъ распространялось и дѣлалось моднымъ такое-то ученіе, по той причинѣ, что гдѣ нибудь на западѣ, положимъ во Франціи, оно выдвинуто было на первый планъ развитіемъ общественной жизни. Завтра оно смѣнялось другимъ ученіемъ, пришедшимъ, положимъ изъ Германіи, гдѣ оно тоже отражало собой борьбу и движеніе общественныхъ силъ. Разсматривая эти смѣны съ исторической точки зрѣнія, можно, конечно, и для нихъ найти достаточную причину во внутренней *логикѣ постепенно европейзирующейся русской жизни*. Но о формальной логикѣ, о связи и послѣдовательности *идей*, тутъ говорить невозможно. Мы были поверхностными дилеттантами, одобрявшими, а потомъ покидавшими данное ученіе, не только не исчерпавъ его во всей его глубинѣ, но даже и не понявъ хорошенько, что оно собственно значить. Къ образованному русскому человѣку можно было примѣнить слова: что ему книга послѣдняя («послѣднее слово науки», идущее съ Запада) скажетъ, то на душѣ его сверху и ляжетъ. Какъ было не теряться намъ, какъ было не лишаться всякой твердости и увѣренности?

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ у насъ сильно увлекались ученіемъ Гегеля. Люди, становившіеся послѣдователями этого великаго мыслителя, сами были въ высшей степени замѣчательными, а нѣкоторые изъ нихъ (напр. В. Г. Бѣлинскій) по истинѣ *геніальными* людьми. Несмотря на это, Гегель все-таки былъ не понятъ у насъ: припомните, какъ ошибочно было истолковано у насъ его ученіе о разумности всего дѣйствительнаго. Теорія Гегеля оказала свое благотворное вліяніе лишь на развитіе нашей *литературной критики*. Въ смыслѣ литературныхъ идей мы въ теченіи нѣкотораго времени, въ лицѣ В. Г. Бѣлинскаго, или *рядомъ съ Европой*. Но какъ только дѣло дошло до идей *общественныхъ*,

мы опять далеко отстали отъ Запада. Мы ударились въ *утопіи*, въ то время какъ на Западѣ теорія Гегеля логически развивалась,—*подъ влияніемъ объективной логики общественныхъ отношеній*,—въ научную общественную теорію Маркса.

На Западѣ теоретическая мысль развивалась тоже не прямолинейно: иногда подѣ влияніемъ общественной реакціи, господствующими теоріями, особенно въ средѣ «образованныхъ», высшихъ классовъ, тамъ становились реакціонныя теоріи. Наши «передовые» люди наивно увлекались ими, видя въ нихъ нѣчто до послѣдней степени прогрессивное. За примѣрами ходить не далеко: мало ли увлекались у насъ Огюстомъ Контомъ? мало ли увлекаются у насъ такъ называемымъ неокантіанствомъ? А между тѣмъ, и контовскій «позитивизмъ» и неокантіанство являются лишь буржуазной реакціей противъ нѣкоторыхъ неудобныхъ для буржуазіи выводовъ, къ которымъ пришли теоретическіе представители рабочаго класса: во Франціи сенсимонисты, фурьеристы и другіе, въ *Германіи лъвые гегельяны*.

Что ему книга послѣдняя скажетъ,
То на душѣ его сверху и ляжетъ...

Ужасно неудобное это положеніе! Какъ тутъ не заблуждаться въ мірѣ!
«Видите, друзья, что вы ничего не можете истинно дѣльнаго придумать, что вы въ общемъ ходѣ человѣческаго знанія бесплодны. Причина вашей бесплодности, вашей или лучше сказать нашей ничтожности въ наукѣ—отсутствіе народной стихіи». Такъ говоритъ славянофилъ Тульневъ въ Хомяковскомъ «*Разговорѣ въ подмосковной*»¹⁾. И замѣчательно, что насчетъ бесплодности русскаго образованнаго ума Тульневъ (т. е., лучше сказать, Хомяковъ) повторяетъ лишь то, что было гораздо ранѣе и гораздо сильнѣе сказано западникомъ Чаадаевымъ. Разумѣется, во мнѣніи о причинѣ этой бесплодности Хомяковъ сильно расходился съ Чаадаевымъ, а мы расходимся теперь и съ тѣмъ, и съ другимъ, потому что для насъ «*народная стихія*» есть не первичная причина, а послѣдствіе данныхъ общественныхъ отношеній. Съ измѣненіемъ этихъ отношеній измѣняется и «*стихія*». Точно такъ же, съ измѣненіемъ этихъ отношеній, измѣняется и судьба западныхъ идей, усваиваемыхъ русскими образованными людьми: когда то чуждыя Россіи, идеи эти становятся *нашими собственными мѣстными идеями*, по мѣрѣ того какъ европеизируется нашъ общественный бытъ, т. е. прежде всего (и пока еще только) наша экономія.

Ни одинъ изъ западныхъ народовъ не жилъ въ условіяхъ, тождест-

¹⁾ Этотъ разговоръ былъ напечатанъ во 2-мъ томѣ Русской Бесѣды 1856 г. потомъ перепечатанъ въ полномъ собраніи соч. Хомякова.

венныхъ съ тѣми, въ которыхъ жили его сосѣди. Тѣмъ не менѣе, общій складъ жизни былъ у этихъ народовъ одинаковъ по своему общему характеру. Вотъ почему все они имѣли, по справедливому замѣчанію Чаадаева, одну общую фізіономію, какой то отблескъ односемейности. Теперь и наши черты начинаютъ приближаться къ этой общей фізіономіи, а потому, скажемъ еще разъ, пессимизмъ Чаадаева лишается своего основанія. Теперь развитіе европейскихъ идей можетъ стать и у насъ стройнымъ и логичнымъ благодаря внутренней логикѣ нашей оевропеившейся жизни.

Но теперь у насъ возникаетъ другого рода пессимизмъ. Теперь у насъ оплакиваютъ нашу экономическую европеизацію на томъ основаніи, что она уменьшаетъ благосостояніе народа, что она, какъ говорить, напр., г. Н. — онъ, разрушаетъ его производительныя силы. Не мѣшаетъ сказать кое-что по поводу этого новаго пессимизма.

Помните ли вы, читатель, какъ рассуждалъ Рикардо, въ своихъ «Principles of Political Economy», о вліяніи машинъ на заработную плату? Машины уменьшаютъ спросъ на рабочія руки, а слѣдовательно, и цѣну рабочей силы, говорилъ онъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, спѣшилъ онъ прибавить, что какая нибудь цивилизованная страна можетъ теперь отказаться отъ употребленія машинъ. Если бы нашлась такая удивительная страна, то она жестоко пострадала бы отъ конкуренціи со стороны своихъ сосѣдей, и ея рабочей классъ, за *отсутствіе* машинъ, заплатилъ бы несравненно дороже, чѣмъ за ихъ *употребленіе*. Тоже приходится сказать о капитализмѣ вообще. Какъ бы худо ни приходилось иной странѣ отъ развитія въ ней капитализма, но еще несравненно хуже пришлось бы ей, если бы она вздумала запереть передъ нимъ двери. Не мало возни современному солдату съ его усовершенствованнымъ оружіемъ; но отнимите у него, *для его облегченія*, это оружіе и пустите его противъ непріятели съ голыми руками: вы увидите, *много ли его облегчили*. Какъ бы дорого ни обходился нашъ капитализмъ, но намъ еще незаконечно хуже (и при томъ во всѣхъ отношеніяхъ) приходилось отъ нашего застоя, отъ нашего уединенія въ нашихъ пустыняхъ. И намъ приходится сожалѣть не о томъ, что что у насъ развивается капитализмъ, а о томъ, что онъ у насъ еще недостаточно развился.

Марксъ, которому мы обязаны окончательнымъ выясненіемъ противорѣчій капитализма, замѣчаетъ (въ своей брошюрѣ «Lohnarbeit und Kapital»): «а между тѣмъ, быстрый ростъ капитала является самымъ благоприятнымъ условіемъ для наемнаго труда». Марксъ никогда не подумалъ бы бороться съ капитализмомъ посредствомъ мѣръ, способныхъ лишь замедлить его развитіе. Онъ предоставлялъ это сторонникамъ того реакцион-

наго социализма, которому онъ посвятилъ нѣсколько блестящихъ страницъ въ своемъ «Манифестѣ».

Но утописты и метафизики, разсуждающіе по формулѣ: «да-да, нѣтъ-нѣтъ, что сверхъ того, идетъ отъ лукаваго», никогда не могли понять этой точки зрѣнія Маркса. Развитие капитализма въ Германіи оплакивали не только нѣмецкіе утописты сороковыхъ годовъ. Его оплакивали нѣкоторые нѣмецкіе прудонисты не далѣе какъ въ семидесятыхъ. «У троглодита есть своя пещера; у австралійца своя хижина, у краснокожаго индѣйца свой домашній очагъ—восклицалъ прудонистъ *Мюльбергеръ*,—современный же пролетарій фактически виситъ въ воздухѣ». Эти жалобы вызвали суровую отповѣдь со стороны Энгельса.

«Въ этой іереміадѣ,—писалъ Энгельсъ, мы видимъ прудонизмъ во всемъ его реакціонномъ образѣ. Ткачъ, имѣвшій кромѣ своего ручнаго станка свой собственный домишко, садикъ и клочекъ земли, былъ, при всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ и при всемъ своемъ закрѣпощеніи, тихимъ и всегда покорнымъ рабомъ, смиренно снимавшемъ шапку передъ всякимъ, кто былъ богаче или сильнѣе его. Именно новѣйшая крупная промышленность, превратившая нѣкогда привязаннаго къ землѣ работника въ ничего не имѣющаго, но свободнаго отъ всѣхъ старыхъ, наслѣдственныхъ цѣпей пролетарія, именно этотъ экономическій переворотъ создалъ условія, при которыхъ возможно уничтоженіе эксплуатаціи въ ея послѣдней формѣ—въ формѣ товарнаго производства. А этотъ слезливый прудонистъ ноетъ, какъ будто по поводу огромнаго шага назадъ, по поводу этого изгнанія работника изъ его собственного дома, изгнанія бывшаго необходимымъ условіемъ его духовной эмансипаціи».

«Двадцать семь лѣтъ тому назадъ ¹⁾ въ книгѣ «положеніе рабочаго класса въ Англіи», я описалъ, какъ совершился въ Англіи 18-го столѣтія именно этотъ процессъ изгнанія работника изъ его собственнаго дома. Я оцѣнилъ по ихъ достоинству гнусности, которыя совершены были при этомъ землевладѣльцами и фабрикантами, а также и тѣ ближайшія вредныя для рабочаго матеріальныя и моральныя послѣдствія, которыя имѣло это изгнаніе. Но могло ли мнѣ придти въ голову увидѣть въ этомъ, при тогдашнихъ историческихъ обстоятельствахъ, безусловно необходимымъ историческомъ процессѣ развитія шагъ назадъ, паденіе ниже уровня дикости («*hinter die wilden*»—такъ выразился Мюльбергеръ); ни въ какомъ случаѣ! Англійскій пролетарій 1872 года стоитъ несравненно выше—имѣвшаго свой собственный домъ и очагъ—ткача 1772 года. И способенъ ли троглодитъ съ своей собственной пещерой или австралійецъ съ собственной хижиной или красно-

¹⁾ Писано въ 1872 году.

кожій, имѣющей свой собственный очагъ, къ тому движенію, которое происходило и происходитъ въ средѣ современнаго рабочаго класса? Что съ развитіемъ капитализма матеріальное положеніе рабочихъ въ общемъ ухудшилось, въ этомъ сомнѣвается только буржуа. Но должны ли мы поэтому съ сожалѣніемъ вспомнить о (во всякомъ случаѣ очень тощемъ) мясѣ Египта, о мелкой сельской промышленности, воспитывавшей лишь холопскія души, или о дикости? Напротивъ. Только пролетаріатъ, созданный современной крупной промышленностью, освобожденный отъ всѣхъ традиціонныхъ цѣпей,—между прочимъ, и отъ тѣхъ, которыя привязывали его къ землѣ, и собранный въ большихъ городахъ, способенъ совершить великое общественное преобразованіе, которое положитъ конецъ всякой эксплуатаціи одного класса другимъ и всякому классовому господству. Прежніе деревенскіе ткачи, имѣвшіе свои собственные домики и очаги, никогда не были въ состояніи не только исполнить такую задачу, но просто даже и понять ее. ¹⁾

Нашимъ народникамъ и субъективистамъ, поющимъ о развитіи у насъ капитализма, полезно будетъ вдуматься въ эти строки. Не мѣшаетъ поразмыслить о нихъ и г. Н.—ону: онъ какъ будто специально для него написаны.

Собственно говоря, намъ здѣсь слѣдовало бы поставить точку: мы сказали все, что хотѣли сказать о пессимизмѣ Чаадаева. Но мы слишкомъ хорошо знаемъ приемы мысли нѣкоторыхъ нашихъ «*противниковъ капитализма*», чтобы не видѣть себя въ необходимости удлинить свою статью нѣкоторыми, въ сущности совершенно излишними поясненіями и оговорками. Намъ нельзя не распространиться о томъ,—каковъ же смыслъ «сей басни».

Вы хотите насаждать капитализмъ, вы радуетесь его развитію, закричать г.г. народники и субъективисты; слѣдовательно, правъ былъ г. Кривенко, заподозрившій васъ въ нѣжности къ кулакамъ и кабатчикамъ. Отвѣчаемъ.

Во-первыхъ, неужели вы, господа, забыли «*не суйся*» вашего же единомышленника Г. И. Успенскаго? Во-вторыхъ, капитализмъ лучше нашего стараго экономическаго порядка ровно настолько, насколько движеніе лучше застоя. Въ этомъ смыслѣ мы очень радуемся развитію у насъ капитализма. Но радоваться его развитію вовсе еще не значить стараться связать руки тѣмъ, которыхъ капиталъ эксплуатируетъ. Напротивъ, мы радуемся его развитію именно потому, что у его жертвъ въ значительной степени развязываются руки, и мы поможемъ жертвамъ совсѣмъ развязать ихъ. Вы не понимаете, какъ можно это сдѣлать? Это ваше несчастье, въ

¹⁾ Zur Wohnungsfrage, Leipzig 1872, erstes Heft ss. 9—10.

которомъ мы совершенно неповинны. А нужно сознаться, что это огромное несчастье, благодаря которому вы рѣшительно не въ состояніи найти себѣ сколько нибудь плодотворное дѣло, и способны лишь, по выраженію Г. И. Успенскаго, *плакать надъ цифрами. Экономическое развитіе опередило развитіе вашей мысли, и вы остались назади, въ качествѣ ненужности теперь уже—увы!—совсѣмъ не умной.* Вотъ почему русская жизнь и кричитъ вамъ: «не суйся!», кричитъ теперь, когда всякій дѣйствительно передовой человѣкъ можетъ работать не покладаячи рукъ. Вы люди лишніе по собственной винѣ!

Покорись—о ничтожное племя!
 Невизбѣжной и горькой судьбѣ!
 Захватило васъ трудное время
 Неготовыми къ трудной борьбѣ.
 Вы еще не въ могилѣ, вы живы,
 Но для дѣла вы мертвы давно,
 Суждены вамъ благіе порывы,
 Но свершить ничего не дано!

— Да мы вовсе не сторонники застоя; мы вовсе не враги заимствованій съ запада, продолжаютъ гг. субъективисты. Но мы хотимъ заимствовать оттуда только хорошее, между тѣмъ, какъ вы кидаетесь *безразлично и на хорошее и на дурное!* Мы также не противъ крупной промышленности, мы хотимъ только, чтобы крупныя промышленныя предпріятія принадлежали *артелямъ.*

Такъ говорятъ обыкновенно наши «противники капитализма», воображая, что говорятъ нѣчто необычайно умное. Но именно то, что они говорятъ такъ, показываетъ до какой степени низко упала наша «бѣдная русская мысль» сравнительно съ тѣмъ, что она представляла собой, на примѣръ, въ сороковыхъ годахъ. Уже славянофилы и западники (по крайней мѣрѣ Бѣлинскій) прекрасно понимали, что всякій данный общественный строй представляетъ собою органическое цѣлое, изъ котораго нельзя вырывать по произволу отдѣльныя черты и прививать ихъ къ другому общественному тѣлу. Теперь мы не понимаемъ этого, и мало того, что не понимаемъ:—мы гордимся тѣмъ, что не понимаемъ, воображая, что именно такимъ путемъ мы избавляемся и отъ славянофильскихъ, и отъ западническихъ «крайностей» и разрѣшаемъ старый споръ двухъ враждебныхъ лагерей. Въ дѣйствительности такое «разрѣшеніе» есть лишь свѣдѣтельство о нашей теоретической бѣдности.

«Если бы губы Никанора Ивановича да приставить къ носу Ивана Кузьмича, да взять сколько нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазаровича, да псжалуй прибавить къ этому еще дородности Ивана Павло-

вича»... Такъ мечтаетъ въ «*Женитѣль*» Гоголя Агафья Тихоновна. По образу и подобію ея *формулы* жениха придумана только что упомянутая *формула экономическаго прогресса*. Достолюбезная купеческая дочь осталась, какъ извѣстно, «не при своемъ интересѣ»: выбранный ею женихъ выпрыгнулъ отъ нея въ окошко. Такъ же подшутить и «прогрессъ» надъ нашими «противниками капитализма». И останутся, какъ говорится *ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ* эти печальныя «жертвы старой русской исторіи». А артели, конечно, придутъ въ свое время (т. е. вѣрнѣе сказать— придетъ планомѣрная организація общественнаго производства). Только не ныѣшнимъ нашимъ «противникамъ капитализма» и будутъ онѣ обязаны своимъ появленіемъ, а именно тѣмъ людямъ послѣдователямъ тѣхъ людей, на которыхъ нынѣ «рекутъ всякъ золь глаголъ» эти печальные противники

Д. Кузнецовъ.